

Ладинец

Автор:

Лариса Шубникова

Ладинец

Лариса Шубникова

Покорный родительской воле, желая получить богатое приданое, боярич Власий Сомов отправляется за невестой. Он надеется встретить милую смиренницу, а вместо этого получает упрямую, отважную боярышню. Непросто найти общий язык со своевольной Еленой Зотовой, однако события, происходящие с главными героями, помогают им лучше понять самих себя и друг друга.

Лариса Шубникова

Ладинец

Глава 1

На подворье народу собралось видимо-невидимо. Оно и понятно: свадьба у бояр Сомовых. Среднего сына Власия отправляли за невестой в Зотово. Туда пять дён, обратно еще пять, а значит в скором времени свадебный пир. Не иначе как последний в году: мясоед на исходе. Вон уж осень листья на деревьях золотом окатила, холодком по утрам и вечерам баловалась. Зима-то близко, а с ней и пост: не до пиров, не до праздников мирских.

– Здрав будь, народ честной! – боярин Захар, стоя на высоком крыльце хором, подобрал полы богатого кафтана, положил урядный поклон. – Проводим ясна сокола да за голубицею, путь его гладким сделаем, легким да простым. Станем ждать его с молодежию, пир собирать, радоваться новой поросли в роду нашем

Сомовском.

Влас стоял прямо: ноги расставлены широко, руки на рукояти меча сложены. Опричь братья родные: старшой Аким с брюхатой женой да младшой Игнат – юнец безусый. Друзья-ближники – Проха и Ероха. А чуть впереди дружка свадебный, женатый дядька Пётр.

После отцовского слова, Влас поклонился и слушать перестал. А зачем? Проха с Ерохой и без него позубоскалят, побрешутся с людьми. Дядька тоже не промах. А Власово дело стоять и пыжиться, как петух. Это вот петушьё думать не мешает, и на том спаси ты. Вот Власий Захарович и думал-размышлял.

Свадьба-то вовремя! Влас чаял своим домом зажить. Уж двадцать один годок, пора из-под отцовской руки выходить. Удел присмотрел опричь Сомова: деревенька хорошая, народ справный, речка рядом полноводная. Поля ровные, леса щедрые. Живи и радуйся! Есть, где ратных разместить, есть чем прокормить. А если с умом подойти, то и пару ладей на воду спустить. Вот тебе и торговля, и барыш. Приданого Еленка Зотова принесет немало, на то расчет и надёжа.

Влас ухмыльнулся довольно и поправил богатую соболью шапку. В тот миг открыл рот рыжий друг его, Прохор Средов:

– Девушки-красавицы, не жаль такого сокола чужой отдавать? Гляньте-ка, косая сажень в плечах, глаз ясный, волос густой! – заливался соловьем Проха, дружка нахваливал. – А с другого боку глянуть, оно и к лучшему. Роду Сомовых прибыток, а мне радость. Власа окрутим, а я свободный бегаться буду. Девки, айда ко мне! Ей-ей, всех сдюжу!

– Да я подмогну, Прошенька, не тревожься, – ехидным голосом подпел Ерофей Глуздов. – В бою ты орёл, кто б спорил, но девицы дело иное. Тут не мечом махать надоть, а кое-чем другим.

И пошло-покатилось! Девки в ответ десяток слов, а Проха с Ерохой им сотню. Дядька Пётр встрял и давай лаяться. Мужики в голос гогочут, девки румянцем ярким рдеют, бабы квохчут на охальников. И всем радостно!

Боярин Захар скис от смеха, но себя не уронил. Утер слезы и прекратил срамной гомон:

– Тиха-а-а-а! Уймьтесь, охальники! За невестой провожаем, не за курой какой! – потом поворотился к сыну и перекрестил на дальний путь. – Езжай, Власий, лёгкой дороги!

Влас очнулся, головой тряхнул, а потом уж поклонился на четыре стороны, приветил и народ, и отца-благодетеля, и братьев родных.

Отец подошел, обнял и удержал сына разговором тихим:

– Власька, ты поглядывай там. Нестор пришлый. Едва знаем его. Поговаривают, что мужик непростой. Елену может и не отдать, – шептал поживший боярин. – Чего молчишь-то, умник? Ай, не то говорю?

– Елену отдаст, – Влас говорил тихо, степенно: голос глубокий такой, басовитый.

– Вона как. С чего бы? – боярин ответа ждал.

– С нами не будет ссоры затевать. Какой в том прок? Уговор был промеж тебя и Зотовым, что Елена женой мне станет и про то все знают. Боярин помер, а слово-то его живет и посмертно. Ай, не так? Нестор поперек не сделает. Невелика потеря, девка да сундук золота. А нас сердить ему не с руки, – Влас оправил на себе парчовый кафтан, сморщился, будто кислого глотнул.

Не любил боярич нарядов шитых, не признавал. В бою от такого пользы нет, а в люди он не ходил без особой нужды. Красоваться просто так почитал глупостью, а иной раз и грехом. На сборищах держался за спиной отца, посматривал и примечал.

– Добро, – боярин Захар прихлопнул ладонью по крепкой спине сына. – Езжай за невестой. Как хошь изворачивайся, но девку привези. Про брата ее помнишь?

– Помню, не безмозглый, – кивнул боярич.

– А раз помнишь, ближников своих шальных упреди. Да смотри, что б языком не трепали.

– То моя печаль и мой ответ. Мои люди, – набычился Власий.

– Твои, мои... Наши, Влас!

Влас промолчал, не стал словами сыпать, а боярин Зотов принялся наново сына поучать:

– Чести не роняй перед Зотовыми. Дядьку Пётра слушай, он обряд-то хорошо знает. А я уж тут ждать стану. В церкву-то сразу по приезду пойдете? Стало быть, надо отца Пимена упредить. Эх ты ж, грехи мои тяжкие... Была бы мать твоя жива, разве бы так свадьбу-то справляли? Да и Ефим Зотов не ко времени помер.

– Помер ли? Так-то посмотреть, смерть Ефима только Нестору на руку и никому более. Убил. Чую, – Влас оправил богатый наряд и опять сморщился. – Ладно, что сделано, то сделано. Выдвигаться пора, бать.

– Чует он. Гадают бабы, а ты знать должен, – наставлял Захар. – Понял? А теперь езжай и без Еленки не вертайся!

Влас кивнул отцу, ближникам и сошел с крыльца, велел взбираться на конь.

Ратным-то собраться, что плюнуть. В два мига повскакали в седла, покрутились-покрасовались перед людьми и с громким посвистом вынеслись за ворота богатейшего Сомовского подворья. И отрадно так, весело: лошади идут ходко, осенний холодок бодрит, а солнце ранее еще больше золота кидает на желтые листья. Синь небесная высокая радует глаз, вроде как намекает – путь ваш ясный и правильный.

Выехали на большак, а там уж Влас и выдохнул: не любил жарко натопленных домов, привечал ветер вольный и свежий. Шапку скинул и в переметную суму засунул. Рассупонил богатый кафтан и крикнул новика своего, чтобы дал одежды попроще, да мятель потеплее.

Ероха подъехал к другу, приноровил коня и давай потешаться:

– Влас, а Влас, а чегой-то ты красоту скинул, ась? Боишься изгваздаться, перед невестой себя уронить? – и ус подкручивает.

– Что, простым не нравлюсь? Так отлезь. Иди вон к дядьке моему пристань. У него кафтан сияет, аж глаз режет.

– Ага, прям побежал, – хмыкнул парень. – Он меня до смерти заговорит. Я лучше опричь тебя, Власька. Ты тихий и смирный пока тебя не тронуть.

– Вот и не тронь, – улыбнулся Влас широко и щедро.

С той улыбки лицо Власия Сомова переменилось. Глаза – светлые серые – сверкнули, зубы белые блеснули, а сам он перестал походить на медведя, всего лишь на молодого парня.

– Нам бы покалякать, Влас, – Ероха улыбку спрятал. – Прошку звать?

Влас кивнул, и через минуту малую оба его ближника уж ехали опричь и вели беседу непростую.

– Вот, что, парни, свадьба у нас дурная получается, – Влас голос утишал, чтобы не слышали его ратные и развеселый дядька Пётр. – Уговор был меж моим отцом и Ефимом Зотовым про меня и Елену. Ефим помер, а в дому его засел Нестор Зотов. Родня дальняя. С какого ляда он, никому неведомо, а потому стережемся и поглядываем. Что за птица такая, куда голову воротит и что творит. Ясно?

Ближники кивнули, речей говорить не стали, а ждали слов боярича.

– За Еленой приданого немало. Неська и упереться может. Но мыслю, что отдаст, побоится нашей полусотни. Однако беда не одна, парни. У Елены брат есть, наследный боярич Лавр. Неська в Зотовке хозяин покамест Лавруха не подрастет, а потом стол боярский придется вернуть. Если Нестор не дурак, то парня изведет, а сам боярство примет по праву. Разумеете? Лавра надо вывозить и прятать. Не с руки нам пришлый сосед Нестор. Еще не известно, какой окажется.

– С чего взял, что изведет? Чай боярич, не холоп какой. Вступиться некому? – Ероха сдвинул шапку на макушку, смотрел на Власа, глаз не отрывая.

– Некому. Если Неська так легко на боярском подворье засел, значит, боятся его. Понял? Будь я на месте Нестора, убил бы и концы в воду. Вот тогда ему и казна Зотовская, и власть. Будет Неська в своем праве, – говорил боярич спокойно, словно не о человеке речь вел, а о собаке дворовой.

Молчавший до того Проха, поскреб в бороде, да и молвил:

– Вот слушаю я тебя, Влас, да дивлюсь. Сколько же в тебе холодка. Мамка твоя, царство небесное, веселая была, сердечная. Батька так тоже потеплее к людям. А ты? Ужель убил бы за добришко-золотишко? – спросить-то спросил, а ответа насилу дождался.

– Не за казну, Проха.

– А за что ж?

– Добро-золото, дело наживное. Было бы, где и с кем стяжать. Утратишь земли и ратников, останешься гол как сокол. Людей, что тебе доверились, похолопят. Иных и жизни лишат. Хорошо быть добрым, да теплым, когда никто на тебя не наскокивает. А так изволь, возьми на себя ношу тяжкую. Горой встань за людей своих. Ай, не так? Убил бы, Прош. Лучше одного жизни лишить, чем потерять сотню, – еще и кулаком по коленке прихлопнул, мол, вот так-то.

– Наговариваешь на себя, Влас. А то я не помню, как ты спину свою подставил, меня закрыл от меча под Храпово. Токмо всем не обскажешь, какой ты есть-то. Народ иное видит. Проклянут тебя люди за такое. Любить не станут, – пугал Проха.

– Я и не прошу. Пусть любят, кого хотят, а меня слушаться надо. Инако начнется разброд и шатание. А через то голод и напасти. А что до спины, так я свою поставлял, за друга. То мой долг, Прош, а не иного кого, – Влас и не подумал сердчать на ближника. – Для народа я боярский сын, а для тебя Власька Сомов. Уяснил?

– Чего? – хлопал рыжими ресницами Прохор.

– Того. Боярский долг – о многих печься, а Власькин – о ближних. Проха, ты как теля малый. Ну чего уставился-то? Ты вот так за Нестором смотри. Примечай, что за человек и какого корня.

– Власька, за женой едешь. Неужто токмо Нестора смотреть интересно? А Елену? Ведь не холопку берешь на лавку, а боярышню в жены. А ну как кривая или ледащая? Одна виделись и тому уж лет восемь. Поди, вымахала девка, – Ероха хмыкнул в густые усы.

– С чего ей быть ледащей? Род Зотовых крепкий. Что до кривости, так мне без интереса, лишь бы сыновей рожала здоровых. А мордаху можно и платом прикрыть. Помню, девчонкой была неказиста. А сваха вот говорит, что здорова и ликом мила.

– Значит, Лавра вытащим, Елену заберем и всех делов. Ты, Влас, нагнал страху, едва порты не замочили, – Прошка хохотнул, прищурил нахальные карие глаза.

– Погоди радоваться, может, еще замочишь. Приданое у Елены велико. Ежели Неська по дороге решит отбить? Батя мой пошлет отрядец нам навстречу. Не ровен час накинута Зотовские исподтишка. Да ты не о том мысли, рыжий. Как Лавра вытаскивать думаешь?

– А чего думать-то? – рыжий Проха прищурил карие глаза. – В девку его обрядить и айда. Чай опосля проводов все похмеляться станут. Тут не до пригляду строгого. Мы с Ерохой дельце тихушкой и обстряпаем. А уж потом отвезем, куда прикажешь. А куда, Власий?

– Сам не разумеешь? В Черемедец*, в скит озерный, боле некуда. Там его не достанут. Употеют наскакивать.

– И то верно, – мотнул рыжей головой Проха, а потом принялся за Еорфея. – Слыхал, друже? Власька на лавку с молодой женой, а мы в скит послухов пугать. Чай там и девок-то нет.

– Свинья грязь всегда найдет, – отпел Ероха. – Влас, а ежели Неська боярича малого уже спрятал? Увез?

– Лавра не увезет, – Влас покачал головой и оправил на себе плотный мятель. – С сестриной свадьбы? Не увезет. Иначе народ затревожится. Как так сестру не проводил?

– Так поймет Неська, что наших рук дело, – Проха брови сдвинул.

– Поймет, Прош. А вот пальцем в нас ткнуть не посмеет. Что, скажешь не так? За руку не пойман, стало быть, не вор. А слухи то бабье дело. – Влас стукнул здоровым кулаком друга по плечу, мол, не опасайся. – Если поймают вас, дураками прикидывайтесь, мол, спяну полезли, ведать не ведаем, знать не знаем. Ежели что, выручу. Сидите тихо.

– Как скажешь, Власий Захарович, ты у нас башка, тебе и думать. Так что, надевать на себя бабье исподнее? – хохотнул Проха. – Лишь бы никто не вздумал к стенке припереть. Я-то отмахуюсь, а вот Ероха...

– Чего Ероха-то сразу? – взвился обиженный парень. – Я так двину, что мало не покажется.

– Ну-у-у-у, пошел трещать! – рыжий Проха подначивал друга.

Влас уже и не слушал приятелей, по сторонам глядел. Любил золото листвяное по осени, вот и радовал глаза такой-то красой. Более всего нравились Влаське клены красные. Смотрел парень и мечтал, что одним ясным днем накинёт он на плечи богатое корзно* из багряницы*, такой же алой, как те кленовые листья, и станет воеводой. Князь Вадим милостиво смотрел о прошлом годе на сына боярина Сомова, похваливал и подмигивал с посулом.

Глава 2

– Глаза долу опусти! – кричал Нестор Зотов на племянницу своевольную. – Ишь, удумала! Лавра с тобой отпустить, коза щипаная?! Ты кто есть-то?! Сопля! Совсем страх потеряла, Елена?!

– Голос-то утишь, не в своем дому! – Елена уступать не собиралась. – Это ты кто таков? Явился, как гром с небес! Ты сколь дён тут, дядька Нестор? Без году неделя! Меня спихнешь Сомовым, а на Ларва удавку? Так?!

– Ах ты, паскуда! – просипел разъяренный Нестор, двинулся к Елене – огромный, жуткий – и ударил по лицу.

Девушка удара не снесла, упала к ногам обидчика. Ей бы лежать дурёхе, а норов-то возьми да и вылезти наружу. Вскочила, и, утирая кровь из носа, снова принялась кричать:

– Давай! Лупи сильнее! Сврати нос на сторону, чтобы жених сам от меня отказался! Стыд-то тебя не грызёт, окаянный?! Сироту обижать взялся?! – визжать не визжала, но криком заходилась.

Глаза синие сверкали, едва искры не летели, грудь высокая ходуном ходила, коса смоляная по спине вилась, будто змея-гадюка.

– Настька!! – заорал Нестор.

Дверь отворилась, и в ложницу вплыла дородная дядькина жена.

– Отходи ее, излупцуй и в холодную! Жрать не давать! Ничего, посидит денек-другой и в разум войдет! – Нестор побелел от ярости, кулаками хрустнул.

Настасья взялась крепкой рукой за косу Елены, а та и уперлась. И если бы не чернавки, которых кликнула дородная тётка, то неведомо еще, кто и кого бы лупцевал. А так навалились скопом, скрутили и поволокли в холодную, темную клеть.

Много время спустя, когда ночь пала на Зотовку, в дверь холодной поскреблись. Еленка голову подняла: лежала свернувшись калачом на тонкой шкуре в углу.

– Кто там? Ай, мало морд ваших поросычых расцарапала? – боярышня на ноги встала, косу растрепанную на спину кинула. – Давай, заходи по одному, всех привечу!

– Еленушка, тише. Я это, Ольга.

Голосок из-за двери заставил Еленку улыбнуться. Правда сморщилась боярышня, как от горечи. Губа раздулась и горела: тётка Настасья кулаком промахнулась и не туда угодила. Еленка уж потом слыхала, как Нестор ругал жену, мол, невесту уродовать указу не было.

– Еленушка, я зайду на малое время. Уговорила Тимоню отомкнуть дверь-то.

Зашуршало что-то во тьме, и на пороге показалась посестра Еленкина со свечой в руке.

– Олюшка, пришла, родимая, – Еленка бросилась обнимать. – Лаврушу видала? Жив, здоров?

– Жив, Еленушка, жив. Да ведь чего удумал, знаешь? Бежать, – шептала Ольга в ухо посестрице. – А дядька Нестор поймал и запер в дальней ложнице. Его Артамон стережет. Ух, и страшный мужик. Еленушка, да кто же тебя так? – красавица Ольга заплакала тихонько.

– Знамо кто, змей Неська! – Елена принялась метаться по тесной клетушке. – Лавруша орёл! Малец совсем, а понимает. Наша кровь, Зотовская! Олюшка, голубушка, а Тимоня не выпустит меня с братом встретиться, как мыслишь?

– Что ты! Я уж и так еле упросила на тебя глянуть, – Ольга засуетилась, поставила свечу на пол, принялась доставать из узла снедь: пироги и молока баклажку. – Поешь, поешь, родимая.

– Поем, иначе сил не останется. – Елена уселась на шкуру, укусила пирог, да и наново сморщилась: губа болела.

Ольга пошла по клетушке, трогая пальцами шершавые не скобленные стены. Остановилась в уголку и вроде как призадумалась.

– Оля, вот смотрю на тебя и диву даюсь, откуда в тебе красы девичьей столько? – Еленка повеселела, как бывало с ней часто после вкусной еды. – Жениха надо найти справногo. Кому, как не тебе хозяйкой быть? И тихая ты, и

ладная, и красивая всем на загляденье. Не печалься о приданом, то моя забота. Отец-то раньше времени кончился, а о тебе и не успел задуматься.

– Полно, что ты? Век доброты его не забуду. Ведь не выгнал сироту, приветил в дому боярском. С вами ела-пила за одним столом. А кто я есть-то? Дочка десятника. Почитай никто, – глаза серые жемчужными слезами наполнились. – Еленушка, а я на тебя дивлюсь. И побили тебя, и в холодную уpekли, а ты все улыбаешься. Обо мне печешься, а у самой счастье-то вилами по воде писано. Ведь со дня на день жених за тобой с поездом будет. Неужто не боишься? А ну как окажется злой? Или на лицо кривенький? – Ольга присела рядом с посестрой на тощую шкуру.

– А чего раньше времени бояться? Меж отцами все уж решено, и не извернешься. Как по мне, так пусть будет злой и кривой, токмо не глупый. С дуралеем жить непросто. Власа мальчишкой помню, так дурак дураком был, сидел сиднем в уголку и зенки свои пустые пялил. Да и не о том мысли мои сей день, Олюшка. Лавра, как Лавра сберечь? Ведь брат единокровный. Наследник Зотовский! Он! Не Неська! – Еленка снова принялась яриться.

Пальцы белые, перстнями унизанные, в кулаки сжала, глазами высверкивала будто жгла. Богатый разодранный летник сполз с белого плеча, коса и наовсе расползлась: долгие смоляные волосы укрыли дивным мятелем гибкое тело.

– И чего ж ты все ратишься? Чего полошишься? – уговаривала Ольга. – Ведь девки мы. Нам на роду писано женами быть, мамками. А ты вон куда замахнулась, обо всех печься принялась. Ведь муж у тебя скоро будет, он пусть и мыслит. Муж в доме голова, не жена.

– Некому более, Оленька. Одни мы с Лаврушей. Ежели его не сберегу, конец роду Зотовых. Наше семя пропадет, будто и не жили мы, – синие глаза Еленки потухли, но на малый миг. – Ничего, мы еще поглядим, кто кого перепрет! Я дядьку Нестора или он меня!

– Еленушка, надо бы примочек. Видела бы ты себя. И нос опух, и губа раздулась. Завтра пойду, поклонюсь тётке Настасье, попрошу травок. Тебя ведь к столу выводить, а как такую жениху показывать? – Ольга тихонько потрогала лицо посестры.

– Не смей. Оно нам на руку. Пусть все видят, каков Нестор. Дурак он, не признают его люди, не признают. А увидят, что сироту излупцевал, так и вовсе отворотятся. Выйду как есть, – Еленка допила молоко и утерла румяные губы рукавом летника. – Иди, не ровен час увидит кто, а уж тогда и тебе достанется. Оля...

– Что? Что, родимая? – девка подалась вперед.

– Ты уж прости мне, если я стану дурить перед столом-то. Может, Влас Сомов сам от меня отворотится? Так я в дому останусь и о Лавре печься буду. Сберегу нето.

– Сестрица, ты одно знай, я за тобой хоть в омут, хоть в пекло, – Ольга заплакала, обняла Еленку и тихо вышла из холодной, прихватив свечу.

Елена снова осталась одна в темени и холоде. Пирог-то порадовал ее, но лишь на малое время. Снова накатили мысли страшные, заполошные, не дали продохнуть, сном забыться хоть на минуту.

Сколь не храбрилась Еленка, сколь не воевала, а все одно – боялась. И дядьку Нестора, и незнакомого жениха Власа, а более всего тревожилась о братце родном, о Лавруше.

Отец перед смертью за сына просил, и Еленка зарок дала беречь его. А как? Была бы мужиком, может и сдюжила, а девке сие дело не по плечу. Да и непотребно теремной боярышне волю свою показывать, вперед старших лезть.

– Батюшка, родимый, за что ж ты на меня такую ношу взвалил? Знал же, не смогу, не осилю, – шептала Еленка, замерзая, пытаясь укутаться в худую шкуру.

Слезы злые из глаз брызнули, словно веред прорвался. Елена порыдала с часок и унялась, а вот в мыслях вышло просветление.

– Ничего, ничего... Я у стола молчать не стану, все расскажу про Неську. Такой дуркой прикинусь, что Влас сам от меня отопрется и уедет обратно. Заберу Лаврушу и убежим, схоронимся до поры. Ей, ей, убежим.

Так и уговорила себя, утешилась. Уснула, и спала сладко почитай всю ночь и много дня за ней. Разбудил ее глуповатый здоровый Тимоня: принес воды и сводил на двор. А уж потом в клетушку влезли злая тётка Настасья с чернавками, скрутили Еленку да примочками обложили.

Глава 3

Влас в нарядном кафтане и собольей шапке гордо сидел в седле, пыжился да глуповато улыбался. А меж тем, оглядывал богатое подворье и примечал за Нестором Зотовым: тот сиял, как начищенная полушка, но опасливого взгляда не укрыв.

Пока дядька Пётр заливался соловьем, исполнял свадебный обряд, Влас и успел все разглядеть да понять. Нестора не принял простой люд: глядел на него сторожко и шептался. Лавра, боярича наследного, и вовсе не было на крыльце дома, а стало быть, упрятали. Так и разумел Власий, что просто-то и не будет. Сделал вид, что щурится на солнце яркое и обернулся к ближникам своим – Прохе и Ерохе. Они коней остановили поодаль, прикинувшись простыми ратными, гоготали да дурачились. Но острый взгляд Прохи шарил беспрестанно по двору, выискивал в толпе боярича Лавра.

Пока народ гомонил и шутовал, Влас заметил, что нет на обряде ни Терентия, ни Фадея Зотовых, дядьев невестиных, то и показалось чудным. А вот за спиной Нестора стоял истуканом крепкий ратный. Влас за него уцепился взглядом, все не мог уразуметь, что не так? А уж миг спустя и понял – не местного корня. Волос совсем светлый, стать дюже гордая, а глаза прозрачные, будто рыбы. Чистый лях!

Понял боярич, что Неська не гнушается таким приятельством и задумался. Если и проскакивали до сего дня мыслишки о дружбе меж Нестором и Сомовыми, то вмиг и пропали. Осталась токмо одна – выкрасть Лавра, как и говорено, а уж потом вернуть парнишке и дом, и боярское звание. Верный союзник завсегда дорог. А вот ляшкий друг Неська – близкая беда.

Влас оглядывал народец местный, примечал. Увидел девок, что жались к стене хоромины. Среди них уж дюже заметной был одна – стати особой. Коса долгая, глаза жемчужной серости. Лик такой красоты, что и смотреть-то боязно: лоб

гладкий, щеки румяные, губы полные. Летник нарядный не скрывал ни спелой груди, ни тонкого стана. Опричь нее все остальные девахи вроде бы и незаметны.

Влас мазнул по ней взглядом, только и всего. С юности не любил красавиц, а все потому, что знал – краса девичья цветет ярко, но отцветает скоро. В девках искал иного, а чего и сам бы не ответил. Может, шутливости, может, умишка вострого или иного чего.

Пока девок смотрел, припомнил о том, как задружился с Прохой и Ерохой. И Аннушку Сыромятову...

Красоты была невиданной, через нее все и сложилось. Аня привечала боярича Власа, пятнадцатилетнего среднего сына богатого рода Сомовых. А меж тем, не обделяла улыбкой и Прохора Средова, и Ерофея Глуздова. Утром одному улыбалась, днем с другим шушукалась, а вечером с третьим у ворот болтала. Ребята все молодые, да ярые. Упирались: всяк к себе Аню тянул. Она выбрала Власа, обещалась любить и его стать, а другим днем Влас застал ее с Ерохой за бабьим теремом: целовались жарко. Потом уж узнал, что и Прохе перепало.

Парни хоть и молодые-дурные, а смекнули, что Аня ко всем с посулом. Сошлись летним вечером в дальнем углу Сомовского подворья и, спрятав гордость и злобу, сговорились разом отворотиться от Анны.

Через год выдали ее замуж за богатейшего боярина. Влас увидал ее малое время спустя и не узнал: глаза потухли, лик обвис, а сама она походила на квашню, что ежедённо замешивала в кадушке стряпуха Ефимия.

Пока Влас вспоминал времена давние, дядька Пётр умолк, и принялся за ответные речи Нестор Зотов:

– Гостям дорогим завсегда рады! – ощерился улыбкой Нестор. – Давно уж поджидаем. Невеста извелась в тоске по такому-то жениху. Заходите гости, угощения отведайте.

Поклонился-приветил и рукой поманил. Толпа затихла, глядя на Власия. А тот что? Слез с коня, оправил богатую подпояску и пошел надутым петухом следом за хозяином в хоромы.

Гридница просторная и светлая, стол длинный яствами уставлен. Богатые посудины на шитой скатерти, дорогие шкуры на лавках положены. Власу дом-то понравился, только не любил вот такого хвастовства. А Нестор, по всему было заметно, гордился добришком. Так боярич и понял: из грязи в князи сиганул Неська. Пустое бахвальство лишь тому и радостно, кто в жизни своей до нежданного богатства ничего слаще морковки и не видал.

– Хлеб да соль, гостюшки, хлеб да соль! – потчевал Нестор. – Вина стоялые, пиво душистое!

Влас сидел, бороду задрал повыше, чтоб видели – не простой гость приехал, а родовитый. Однако глаза выпучивал так, чтобы поняли – небольшого ума женишок-то.

Мужики Зотовские заметили и с разговорами не лезли, а бабы, что выстроились вдоль стен гридницы, глазами так и ели. У Власа аж щека задергалась и темечко зачесалось. И ведь не поскрести зудящего! Женихом важным надо прикидываться. Уж тьму раз осердился на то, что парчовый кафтан тесен в плечах, а опояска праздничная кособочится и мешает.

– Настасья Федоровна, ты уж Елену-то приведи. Дай ясну соколу увидеть голубицу нашу, – Нестор кивнул жене дородной.

Та голову опустила, мол, поняла, и двинулась из гридницы.

Влас приосанился. И не сказать, что б сильно ждал невесту глядеть, но все же, жена будущая. Залюбопытничал, а потому и глаза сузил, и кулаки под столом сжал.

За дверями гридницы слышались возня, тихие взвизги, а потом створки распахнулись, вошли девки-подруги и встали в ряд. Миг спустя меж ними проплыла к столу невеста.

Влас взглядом-то в нее впился! Высокая, стройная, гибкая, темнокошая. Спина прямая, осанка гордая. Глаза синевы глубокой и красоты редкой, а вот мордаха... Нос опухший, губу разнесло. Влас и догадался – учили девку кулаком крепким, а не словом увещательным. Видать, характера непростого, ежели

накануне смотрин такое учинили.

Она поклоны бить не стала, выпрямилась и гордо голову подняла, мол, вот я какая, глядите, люди добрые. На Власа и глазом не повела, но взглядом прошлась по всем, кто в гриднице сидел.

Жена Нестора хлопнула увесистой рукой по спине Елены, мол, поклонись, дурка. А та лишь плечом дернула горделиво да упредила взглядом тётку, чтобы не трогала.

- Еленушка, красавица наша, иди ближе, - Нестор подскочил, пошел к невесте и потянул на середину гридницы. - Покажись гостям дорогим.

- Лавра не вижу, - Елена сбросила дядькину руку. - Брат где мой? Неурядно без родного брата невесту выводить.

От дерзких ее речей бабы охнули, девки дышать перестали, а сам Влас подался вперед, чтобы не упустить ни одного ее словечка. Тем паче, что вопрошала о важном, о Лавре.

- Еленушка, позже о том. Лавруша занемог, лежит, - Нестор голосом надавил.

- Занемог? Отчего мне не сказали? - Елена бровь высоко изогнула, сложила руки на груди: блеснули перстни драгоценные на белых пальцах.

Влас забыл прикидываться дурачком, брови свел и слушал. На невесту глядел не отрываясь. На большом пальце правой руки заметил засечину, такую, которую видал не раз и не два. Лучники конные на тот палец надевали кольцо, чтобы тетивой не порезаться. Но вот откуда такая отметина на теремной боярышне, он уразуметь не мог.

- Елена, не о том сейчас, - Нестор голосом и вовсе построжел, кулаки сжал до хруста. - К жениху выйди, приветь.

Боярышня слегка голову повернула и посмотрела на Власия. Тот глаз не отвел, принял злую синеу в свои очи, ответил кивком и молчанием. А она снова отворотилась и на дядьку уставилась. С того Власа в злобу кинуло. Ишь,

гордячка! Да какая бы девка не была, на жениха-то можно и понежнее глянуть!

– Привечу, ежели Лавра сюда приведут, – молвила уверенно и принялась бодаться взглядом с Нестором.

Шепоток пополз по GRIDнице: мужики осуждали, бабы удивлялись. Но были и те, что согласились с боярышней, мол, брату положено быть на смотринах.

Влас все глядел на Елену, дивился и осанке гордой, и бесстрашию теремной девушки. За такие-то ее слова, да неурядные гляделки в иных семьях вожжами учили.

Ропоток прошелся по GRIDнице, когда на пороге показался парнишка-подлеток.

– Лавр! – боярышня метнулась к пареньку, вмиг утратив весь горделивый вид и холодный взгляд. – Лавруша, братец, что ты, как ты? Дядька говорит, занедужил. Так ли?

И обнимает его, целует в плечико, по волосам смоляным гладит. Влас изумился такой-то перемене в девке, но виду не показал, сидел истукан-истуканом.

– Здоровый я, Еленка, здоровый, – Лавр в сестру вцепился крепенько. – А с тобой-то что? Ох и губища! А нос-то, нос! Ты только скажи кто тебя, вмиг головы лишу! – голосок-то писклявый, а гнев истинный боярский.

– Не о том, Лавруша, не о том сейчас... – молвила чудная невеста и быстро-быстро зашептала брату на ухо.

– А ну! – Нестор вскипел, не снес такого-то порядка и заголосил. – Ты почто позоришь род Зотовский?! Что устроила, окаянная?! – потом перевел грозный взгляд на баб, что теснились у входа. – Все вон!

И как ветром сдуло. За ними потянулись мужики-десятники: им Нестор всего лишь перстом указал на двери.

Сидеть на лавках остались только дружка свадебный Пётр да Влас. Нестор с Рыбьим глазом стояли во главе стола: оба хмурые, сердитые.

– Лавр, сюда иди, – рыкнул Нестор. – А ты, негодная, встань и к жениху поворотись.

Влас интереса жгучего уже не скрывал, разумея, что сей миг произойдет. И не обманулся.

Елена отцепилась от брата, но к дядьке его не отпустила: задвинула себе за спину и выпрямилась. Власу померещилось, что не девица перед ним вовсе, а злая и лютая волчица.

– Лавра не отдам, – голос до того ярый, что и словами не передать. – Негодная, говоришь? А я в невесты-то и не лезу, коли не гожусь. И не тебе, поганый, решать за жениха, нужна я ему али нет. Он чай сам не безголосый.

Влас сей миг и подумал, что не нужна. С такой сладить – семь потов пролить. Однако сундук с ее приданым, все ж, манил, как и те мысли отрадные о собственных хоромах.

– Не отдашь? – прошипел Нестор и двинулся к Елене.

Та не дрогнула ни ликом, ни телом. Смело глядела на огромного своего дядьку, злого, как кабан-подранок.

Влас едва успел вскочить с лавки, как Нестор замахнулся и ударил боярышню по лицу: наотмашь, сильно да мощно. Та прикрываться не стала, рухнула на пол, ударившись головой о стену. Но разума не утратила!

– Давай, лиходеи! – вскочила на ноги, – бей еще! Все одно, ничего не добьешься!

Лавр бросился защищать сестру, но был пойман крепкой рукой Рыбьего глаза и прижат к стене. Пытался парнишка кусаться, но пойдя, вырвись.

Нестор замахнулся наново, но тут Влас громыхнул о стол пудовым кулаком: мисы да блюда звякнули, иные и на пол полетели.

– Не тронь, – и вроде голоса не повысил, а будто прокричал. – Инако моего кулака отведаешь.

– Власий Захарыч, так дурит девка-то! – не унимался Нестор.

– То уже не твоя забота, – молвил и пошел к боярышне, что утирала рукавом нарядного летника кровь с виска, примечая, как обезголосевший от изумления свадебный дружка Пётр поднимается и идет за ним.

Влас встал меж Еленой и Нестором, выпрямился и опять заговорил:

– Ежели ей так брат надобен, отпусти проводить сестру. Довезет до Сомовки честь по чести, венчание узреет. А уж потом и обратно. – Влас ответ-то Несторов знал, но решил дуриком прикинуться.

– Полно тебе, Власий. Как же отпустить? Чай боярич Зотов, не безродный какой. Его место в доме родительском, – глаза Нестора блеснули злобой, и все поведали Власу: не отпустит от себя ни на шаг, беречь станет, но и жить парню долго не позволит. Отравит или еще чего удумает, но богатства Зотовского из зубов не выронит.

Влас крепко ухватил Елену под локоть, к себе притянул, не глядя вовсе на то, что девушка пытается вырваться.

– Как знаешь, Нестор, как знаешь, – Влас покивал. – Поедем нето. Теперь-то за столом сидеть не отрадно. Вон невеста вся кровью умылась. Возок-то ее готов? Приданое сложено? И кого ей в провожатые дашь?

А тут Елена закричала:

– Не поеду без брата! Не поеду! – и рвалась, как шальная из рук Власа.

– Еленка! Еленушка, сестрица! – заверещал Лавр, дергаясь в руках Рыбьего глаза.

Власию уж очень хотел отпихнуть сварливицу, но не стал: помнил отцовский наказ увезти Елену, да и приданого хотелось. Понимал боярич – оставит девку,

так кто потом будет порукой подростшему Лавру? Нестор костями ляжет, а не признает Зотовского наследника. Без Еленкиного слова грош цена всем задумкам боярина Сомова.

- Уймись, - увещевал, да без толку.

- Не поеду! Хучь убей, а не поеду! - и глазищами высверкивает.

- Добром не пойдешь, силой увезу, - пугал Власий.

- Не поеду! - упрямилась Еленка.

- Так значит? - Влас едва зубы не раскрошил, так челюсть сжал, сдерживаясь. - Сама потом себя виновать за позор.

Подхватил девку и на плечо закинул. Пока шел через богатые сени, думал спины лишится! Так царапалась бесноватая, так кулаками молотила, что едва кафтан нарядный не исполосовала.

Народу на подворье собралось множество, и все гомонят, все шепчутся. А боярышня брехливая все блажит, все рвется.

Пока Влас тащил непокорную, успел заметить, что ни Прохи, ни Ерохи на дворе нет, а стало быть, полезли за Лавром. Возок заприметил невестин, в нем уже сидела та красавица, что видел он по приезду. Сама бледная, губа румяная закушена едва не до крови.

- Лавр! Лавруша! Братец!! - Елена рвалась, кричала.

Шепотки громче стали. Вот баба одна охнула, запричитала:

- Братца жалеет, сердешная... Ить даже проститься не вышел, сиротинушка.

- Неська-ирод не пускает. Ох, как убивается, бедная. Жених-то, глянь, увозом увозит. Не иначе поколотит, - вторила первой другая бабенка. - Еленушка, голубка, ты стерпи, стерпи!

Влас шел и раздумывал, куда невесту нести? К возку? Так вырвется! Решил с собой верхами сажать.

– Сенька! – Новик проворно коня подвел и Влас вмиг в седло взобрался, усадил Елену перед собой и голову ее прижал к груди, чтобы крики ее унять.

Пока коня выводил из ворот – употел: Елена из рук рвется, народ в спину шипит и зубоскалит. Такого позора еще не стяжал Власий Сомов. С того освирепел и гнев свой излил на нее, на змеищу с глазищами.

– Уймись по-хорошему, брехунья, инако шею сверну на сторону, – Влас и сам шипел не хуже змея.

Десяток его за ним ехал в молчании и изумлении. Влас спиной чувал взгляды ратников своих, понимая, что сам он в этом циркусе вовсе не героем смотрится, а насильником.

Прижал Еленкину голову еще крепче, а сам принялся указывать:

– Вадька, опричь возка держись! Ты, Леонтий с ним. Поглядывайте там! – крикнул и порадовался, что после позора такого, его все еще слушаются. – Кешку ко мне и Василю!

Пока ратные наказы боярича выполняли, Елена извернулась и укусила Власову ладонь. Да больно так, аж до искр в глазах.

– Ах ты, гадюка! – не стерпел Влас.

– Постылый! Справился, да?! С девкой справился?! – ругалась боярышня дюже звонко. – Сбегу! Попомни! Сбегу от тебя, медведина косматая!

– Беги, дурища! – взвился Влас. – Сам бы тебя спихнул с рук, да греха на душу не хочу брать! Ты, глупая, не разумеешь, что споймают тебя и в скит! На постриг! А то и удавку на шею! Я б сам тебя удавил!

Она брови соболиные свела к переносью, взглядом огрела тяжелым и сказала в сердцах:

– Лучше в скит, лучше удавиться, чем брата потерять безвозвратно. Дурень ты, сам не ведаешь, что сотворил. За таким жить набедуеться.

А у Власа слова в глотке застряли. И не потому вовсе, что сказать было нечего, а потому, что не мог не дивиться этой чудной девке. Ведь били, позорили, а ни одной слезинки в глазах. Лютой волчицей за брата билась, до самого последнего мига цеплялась за своё. А ведь в тереме выпестованная. Откуда ж столько смелости?

– Да и мне с тобой радости мало, – все ж ответил.

А про себя еще и обиделся, мол, чегой-то я дурень косматый, а?

Глава 4

– Пусти, – Елена дернулась в руках Власа. – Так далеко не уедем. Пусти, говорю, ирод.

Боярышня давно уж поняла, что такого не одолеешь: кулаки пудовые, плечи шире коромысла. Держал крепко, едва шею не своротил, но и боли не добавил. Удивилась, но виду не показала.

– Тебя токмо пусти, вмиг в лес сиганешь. Ищи потом... – проворчал хмурый Влас. – Унялась? То-то же.

Если б он не принялся выговаривать, если б лик его не был таким горделивым, Еленка бы смолчала, но тут взвилось в ней:

– Не помню, что просила тебя, боярич, искать. Ты голову-то свою пустую в сторону отвори, а я и исчезну, будто и не было меня вовсе. Что? Что вылупился?

– Ты в своем уме, Елена? Куда собралась, безмозглая? Медведю в лапы али к волку в зубы? – Влас брови вознес высоко. – Знал бы раньше, что ты разумом скудна, так и навовсе не поехал за тобой в такую-то даль.

– Ой, ли? – Елена глаза сузила. – А зачем невесте разум, коли сундук полнѣхонек? Что, скажешь по большой любви за мной явился? Будет языком-то молоть.

Руками уперлась в широкую Власову грудь и сдвинулась от него как смогла. Седло-то не лавка, далеко не отлезешь.

Ждала от него слов обидных и бровей сердито сведенных, а дождалась иного.

– И то верно, – не солгал Власий. – Я тебя в возок отпущу. Умойся, вздохни и в разум войди. А потом и переговорим, как дальше быть. Слово дай, что не сбежишь.

– Не дам, – бросила коротко.

– Ну и дурка. Сиди тогда тут и вертись. Сама потом просить будешь, чтоб отпустил. Много ты верхами ездила, чтоб хорохориться? – глаза-то серые блеснули злобой и удивлением.

– А ты не обо мне печалься, о себе горюй, – сказала и отворотилась.

Он замолк, только ручищей большой крепче к себе прижал. Еленка дернулась разок-другой и поняла – крепостью своей бахвалится. Хотела снова лаяться с ним, да силы кончились.

Уныло глядела боярышня на дорогу, не примечала ни сини небесной, ни золота листьев. Чувяла одну лишь тоску и тревогу за Лавра. Ухо, куда угодил кулак дядьки Нестора, горело и больно дергало, кровь на виске запеклась и стягивала щеку противно. А тут еще этот медведь сжал, словно сожрать хотел.

Еленка от ровной тряски конячьей маленько в разум вошла и отдышалась, а там уж и мыслишки зашевелились. Ехать к постылому жениху в дом и ждать известия о смерти брата Еленка не желала, с того и решилась на странное.

– Влас, пусти в возок. Не сбегу.

– Быстро ты опомнилась, – хмыкнул Влас. – Если обманешь, поймаю, и тогда пощады не жди. Ясно тебе, заполошная?

Еленка едва сдержалась, чтобы не пхнуть его локтем побольнее. Промолчала.

– Стой! – Влас поднял руку, и малый отрядец встал. – Роздых!

Еленка ужом сползла с коня и пошла, еле волоча ноги, к возку, в котором сидела испуганная бледная посестрица Ольга.

– Еленушка, сердешная, как тебя... – заскулила Оля, заплакала. – Ты садись, садись, милая. Я сейчас.

Девушка принялась рыться в узелке у себя под ногами. Достала чистую тряпицу, вытянула теплый летник простой ткани и зипунок немаркий.

– Ленушка, тебе умыться и переодеться. Глянь, вся одежда в крови. Лютый Нестор, лютый какой. Ведь не постыдился сироту обидеть. – Ольга все причитала, все скулила, а Еленка думала.

Меж тем из рощи вышел ратник, двинулся к возку и подал баклажку с водой. Потом долгонько еще стоял, любовался красавицей Ольгой.

– Иди, – Еленка привычно махнула белой рукой, отпуская парня, а тот послушался.

Боярышня и не удивилась. С малых лет наставляли ее указывать не только девкам-бабам, но и всему подворью. Она и замечала за собой, что голос у нее иной, и повадка, и лик. И редко кто сомневался в ее праве, слова поперек не кидал. Даром, что девица семнадцати годков от роду.

– Оля, слушай меня, – Еленка подвинулась в возке к посестре. – Лавра не оставлю. Уговорю Власа меня отпустить, поторгуюсь с ним о приданом. Ты о себе не тревожься, не обделю. Поедешь в Сомовку, там с деньгой и осядешь.

– Батюшки святы! Ты что удумала, Елена? – Ольга глаза распахнула во всю ширь. – Одна? Нет, не оставлю тебя! Я с тобой пойду, слышишь?

– Уймись. Не на гулянку иду. Ежели что, так и головы лишусь. Тебя за собой не потяну, греха не приму такого. И все на том, – Елена выпрямилась и посмотрела прямо в глаза Ольге, мол, перечить не смей.

– Да как же...да что же... – Оля наново зарыдала. – Ленушка, лапушка, сгинешь ведь.

– Моя жизнь – монетка мелкая. Лавра сберегу, не лишу род главы наследной. Его боярство по праву рождения. Умоется Неська соплями, а удел наш не приберет к рукам. А что до меня.... Как бог решит.

– А ежели Влас не пустит? Жених ведь, почитай муж. Уж дюже ты смелая. Ты ж не в своей воле, Еленушка.

– А вот и поглядим, какая она, воля моя, – Еленка со вздохом стянула с себя богатое очелье и подала Ольге.

Та приняла из рук посестры украшение и сунула в узел. А уж потом и умыла боярышню, и косу переметала наново.

Ратник, что воды принес, сводил обеих в кусты: там уж и переодели Еленку.

– Так-то лучше, – боярышня запахнула теплый зипунок, поправила очелье простое на лбу и откинулась в возке-то.

Ухо горело, висок бился злой болью. Осталось только глаза прикрыть устало, да ждать, когда жених придет с разговором. А тот не промедлил, к возку подошел.

– На вот, – протянул Влас горшочек малый. – На тряпицу и к уху. Губу с носом тоже проймет, токмо в рот не хватай, и глаза береги, инако скорчишься.

Елена и пальцем не шевельнула. Еще чего? Доброта его да забота – ложь. Был бы мужик умный, не оставил бы Лавра в дому одного. Либо струсил, либо умишка не хватило понять, что за Нестор в хоромах обретается. Проскочила мыслишка трусливая, что Сомовы уговорились с Нестором, а потому и разлучили сирот, оставили Лаврушу на растерзание жадному дядьке.

– Спаси ты, боярич, – Ольга протянула руку и приняла горшок-то. – Бадяга*, никак?

Еленка смотрела на жениха, а он на Еленку. То и показалось боярышне странным. Любой парень или мужик, окажись он рядом с Олей, глаз бы не сводил с красавицы, а этот уставился на нее, избитую и растерзанную.

– Сей миг тронемся, и до Шалок без роздыха. Там уж и кашеварить станем, и разговоры разговаривать. Поняла ли, Елена? – и бровь изогнул, мол, хватит ли тебе ума разуместь, что говорят.

И не то, чтоб Еленка была злой и сварливой, но подкинуло ее:

– Чай не безухая. Токмо говоришь ты, будто солому жуешь. Пойди, пойми, то ли молитву творишь, то ли баснь бубнишь, – выпрямилась и приготовилась уж к злomu слову.

– А тебя от чего больше крючит? От басни али от молитвы? – глаза Власовы зло блеснули, брови сошлись у переносья, а сам он вроде как больше сделался.

Еленка почуяла, как Оля затаилась и сжалась.

– Более всего от тебя, Власий Захарович, – поклонилась издевательски. – Ты уж отойди, лиха не буди. Как накашеваришься, так и приходи говорить. Токмо словами часто не сыпь, подавишься.

И ведь сама понимала, что дурное из нее лезет, что надо бы язык-то свой прикусить, а не могла. Злил ее женишок, гневил. И статью своей медвежьей, и глазами острыми, а более всего тем, что мог ею помыкать, как вздумается, и был в своем праве.

Большая Власова ладонь в кулак сжалась. Вот им он и стукнул по возку, едва дыру не пробил.

– При мне язык свой змеиный показывать не моги. Не наскокивай безмысленно, инако поучу и безо всякой жалости. Токмо дурень кусает руку дающую. Поняла ли, бесноватая?

– Так-то оно так. Когда сказать в ответ нечего, можно и кулаками помахать. С девицей справиться легко. Правда, Власий Захарович? – ехидничала боярышня.

– Легко, Елена, легко. Шейка-то тонкая, переломится скоро. А вот тогда один будет говорить, а другой навек замолкнет. Ты богу-то помолись, вдруг пожалеет и даст тебе кулаки крепкие? Что? Не даст? Тогда сиди и помалкивай, не буди иного лиха, кроме того, что уже потревожила.

Взглядом огрел таким, что у Еленки по спине озноб пошел. Вмиг уяснила, что жалеть не станет, а сделает так, как говорит. В бессильной злобе прикусила опухшую губу и глазами высверкнула.

Влас победой своей не стал бахвалиться, только кивнул, мол, поняла и хорошо.

Еленка озлилась, но делать нечего: надобно ждать и думать, что сказать этому медведине. Да не пустыми словами звенеть, а такими, которые его проймут.

– Еленушка, давай, лицо-то склони, – Оля держала тряпицу, густо намазанную варевом из Власова горшка. – Сей миг полегчает.

Вздохнула боярышня да и склонилась. Уж дюже губа болела и ухо.

Руки у Оли ласковые, умелые. Еленке только и осталось, что сидеть да отдыхать. Солнце за полдень перевалило, пригрело сильнее. Пришлось зипун рассупонить, иначе жарко. Да так и ехала.

Чем дальше отходил отрядец от Зотовки, тем тяжелее становилось Еленке. Вернуться надо бы, Лаврушу из дома забрать, а как сбежать-то? По обеим сторонам от возка ратные, и не абы какие, а востроглазые. Сам Влас время от времени кидал взгляды на Елену.

Когда до Шалок осталось всего ничего, Еленка едва не кипела от злобы бессильной. Время-то, время идет! Все ближе делается к Лаврушиной кончине.

– Ст-о-о-ой! – голос Власа гулко полетел по поляне лесной. – Брони вздеть, костер малый палить! Дозорных по кустам!

Еленка разумела, что жених стережется кого-то, опасается. Инако для чего дозорные в светлом леске опричь большой деревни? Да и сам боярич накинул поддоспешник стеганый, принял на плечи кольчугу и чешуйчатую бронь.

Ольга проворно выскочила из возка, пошла помочь кашеварить. Сама Еленка кивнула ратному, и тот отвел ее в кусты на бережок мелкой речушки.

Воды в реке светлые, приветливые. Елена на колени встала, умылась холодной водицей и едва не завывала: так бы и переметнулась в рыбку малую и проворную, так бы и поплыла к бартцу родимому. А нельзя никак! Жених стережет, Нестор щерится злым псом. Как же девке пересилить таких, а?

– Что, лихо тебе? Сама виновата. – Влас подкрался тихо, тем и удивил Еленку: такой здоровый, а ходит как кот мягколапый.

– Ежели невесте лихо опричь жениха, в том не ее вина. Понял ли, докучливый? – и ведь не хотела сердить лишний раз, а само выскочило.

Влас промолчал в ответ, но смотрел внимательно, будто с силами собирался или думу думал непростую.

– Помогла бодяга-то. И нос у тебя не репкой вовсе, а обычный, как у всех. И губа уже лучше.

Говорил-то про лицо, а сам в глаза ей смотрел. Елена с того взгляда едва не вспыхнула: жених ведь, единовластный над ней хозяин.

– Ты о деле пришел говорить или мной любоваться?

– Было бы чем любоваться, – не остался в долгу зловерный жених. – А о деле с тобой говорить, пустая трата времени. Ты хоть и боярышня, а все одно, девица бездумная.

– Ну, коли так, я стану о деле. Мне не зазорно, лишь бы ты уразумел, медведь, о чем я тебе толковать буду, – Еленка выпрямилась, огляделась и пошла к поваленному деревцу.

За собой услышала тихие шаги Власа и порадовалась, что внял он ей и идет говорить. Так и дошли до бревна, расселись и Еленка, глубоко вздохнув, начала:

– Замуж идти не желаю. В скит хочу на послушание. Отпусти, Влас, – и в глаза его светлые уставилась, ждала что скажет.

Тот брови чуть приподнял, а потом...захохотал. И громко так, весело! Еленка хотела осерчать, но загляделась на парня. Ведь как смех украсил. Простой его лик вроде как осветился, зубы белые блеснули, а сам он помягчел и уж не гляделся зверем.

– Ох, уморила, – Влас головой потряс. – Ты? На послушание? Да тебя до пострига выпихнут из скита-то. Такую смиренницу как ты, еще поискать надо.

– Отпустишь? – Еленка пропустила мимо ушей его речи колкие.

– Нет, – улыбку его, как ветром смахнуло, а сам он снова глядел в глаза Елене, будто решая, что делать.

Да и Еленка примолкла. Правду ему говорить, о том, что Лавра хочет сбереечь, побоялась. Не ведала, есть ли сговор промеж Сомовыми и Неськой.

Глава 5

Влас разглядывал чудную девку и с мыслей важных сбивался. Лик ее поменялся: губа обычной стала, даже красивой, а нос прямым с гордыми крыльцами. Синяки под глазами после побоев еще проглядывались, но уж не цвели тем буйным цветом, что поутру. Вроде похорошела?

Глаза синие жгли взглядом, едва искры не летели, и не смотреть в них Влас не мог никак. Бедовые глаза-то, красоты неопишуемой и огня редкого.

– Елена, кто тебя пестовал? – вопрос сам соскочил с языка против Власова хотения.

– Чего? – Елена удивилась, рот приоткрыла и замерла.

– Того. Мать твою, знаю, постриг приняла после Лаврова рождения. Тебе тогда сколь было? Годков семь, не боле. Соплюха в рубашонке девчачьей. А потом кто тебя учил? Мамки-няньки?

– Тебе зачем, Влас? – она прищурилась, видно, пыталась уразуметь, о чем он ей говорит.

– Надо, ежели спрашиваю.

– Была тётка Наталья... – Еленка замялась и брови свела.

Влас едва не хохотнул, так непривычно было видеть эту гордячку в недоумении.

– Была и сплыла? Оно и понятно, я бы и сам от тебя сплыл. Так кто, Елена? – спрашивал и сам себе удивлялся. Вот оно ему зачем?

– Твое ли дело, Влас? – закипела боярышня, наново принялась глазищами высверкивать. – Ты зубы-то мне не заговаривай! Пустишь в скит?

– Не пущу, не ярись. Отец учил? – сказал-то примирительно.

Она снова замолкла, лишь ресницами смоляными хлопала. Влас подумал, будь она птицей, то и взлетела бы от такого трепыхания.

– А если и так, тебе-то что? – Елена спину выпрямила и руки сложила на груди: ни дать, ни взять боярыня родовитая.

– Из лука метко бьешь? – Влас снова заметил засечину от кольца на большом пальце.

Еленка едва себя не уронила, так изумилась!

– Ты ведун, что ли? Бесов ближник? – ахнула боярышня.

– Так-то глянуть, к бесу ты ближе, не я. Смирения никакого, смерть стрелой сеять обучена. Еще и гордыней полна, – Влас аж напыжился с того, что смог

удивить деваху, едва шелом из рук не выронил. – Не примут тебя в скит, Елена, не примут.

– Зато ты примешь, да? Оно и понятно, сундук-то с золотом вон он, под боком. Жаль упускать, – она быстро оправилась, уже не удивлялась, но сердилась.

– Приму. Как не принять? Само в руки упало. Да и отцов уважить надо, Елена. Сговорили нас не просто так, а по дальнему умыслу. Разумеешь, о чем я? – решил Влас пытаться ее дальше.

– Тут и дураку ясно. Зотово оплот с заката. Ежели что, ляшьи зубы на себя примет первым. А Сомово с восхода обережет, вздумай враг по воде идти, – выговорила тихо, раздумно, но будто опасаясь чего-то. – Токмо в Зотовке теперь иной хозяин. Чай и с ним можно уговориться. Ай, не так?

Вот оно! Влас к тому и вел. Понял, что стережется боярышня, боится довериться. А, стало быть, не понимает пока, кто вражина, а кто дружка.

– Ты мне вот что скажи, что за ратник опричь Нестора трется? Который с рыбьими глазами, – и подался вперед, не желая упустить ни одного слова.

Елена брови свела, перестала яриться и изгаляться, сама придвинулась:

– Что? Думаешь, недруг он?

Влас помолчал и решился говорить правду:

– Не понравилась мне его морда. Не наша. Иного корня.

– Верно заметил. Молчит он, Влас. Я так мыслю, боится слово молвить, чтоб себя не показать. Я одна слышала, как он лается. Зацепился кафтаном за короб в сенях, едва не порвал, так шипел не по-нашему. Лях он. А ежели раздумать, то ясно все становится. Откуда всплыл Неська? Ведь ни кола, ни двора не было, а тут на тебе, в бояре угодил. На плечах ляхи внесли в хоромы-то. Всех запугали, лиходеи. А ляхам, видать, посулился Нестор отплатить. Теперь и Лавра... – тут она осеклась.

– Правильно размыслила, Елена. А теперь думай дале. Ежели Неська позвал ляхов в Зотовку, так что будет? Воровать примутся, бесчинствовать. Еще своих зазовут. И что тогда останется от Зотова, а потом и от Сомово? Вижу, поняла. Ты оттого Лавра боялась оставлять? Говори ты, не молчи, – Влас кулаком пристукнул по колену.

– Лавруша Нестору помеха. Убьет, – и закручинилась, голову опустила.

Коса толстая по плечу скользнула, да и упала на руки боярышне, что бессильно лежали на коленях.

– Выкусит, – тихо молвил Влас. – Не видать ему Лавра, не опасайся.

– Чего?! – вскочила с бревна-то, глазищи распахнула. – Что ты говоришь-то, не пойму?!

– Вот знал, что с девкой связываться не надо. В голове пусто, токмо ветер свищет, – улыбнулся боярич, но томить Еленку не стал. – Люди мои за ним пошли. Мыслью, что уже везут его в дальний скит, в Черемедец. Спрячут там до поры. А ты, Елена, нужна ему будешь потом, чтобы людям слово молвить и указать, что брат он твой и нет подлога-то. Уяснила?

Такого ее взгляда он еще не видал. Все осветил вокруг: и деревья золотые, и речушку прозрачную и будто синь небесная чище стала. А уж когда улыбнулась белозубо, то Власа и вовсе ослепило. А потом...

– А чего молчал, медведь?! Напыжился, как петух! Охота была на боярышню злую глядеть?! Издевался?! – озлилась так, что пальцами хрустнула, так персты сжала.

Влас, вроде и привычный к ее крикам, снова не сдержал гнева:

– Опять орать?! Все в кучу смела! Пустоголовая! Начни я языком молоть, много пользы было бы?! – кричал и думал, что не было еще человека, который бы гневил его так, как эта синеглазая Еленка. – Ты уж реши, медведь я иль петух! Словами-то бросаешься, как свинья грязью! Тьфу! Чтоб я еще раз с девкой разговоры разговаривал, да ни в жизнь!

– Во как! Свинья, говоришь?! А катись-ка ты отсель, женишок ласковый! – топнула ногой в сапожке, еще и перстом указала, куда Власу надо идти.

– Я покачусь, я сейчас так покачусь! – уж двинулся было проучить сварливую, но застыл. – Елена, а Рыбий глаз знает, сколь приданого за тобой дадено?

Она смолкла, а потом закивала, заполошилась.

– Влас, тикать надо. Ежели решит отнять, так всех нас посекут. Ты чего стоишь? Беги, людей поднимай! – и сама заметалась, не зная, куда ей надо.

– Цыц! Сундук твой уже окольным путем в Сомово везут. А люди мои упреждены. Токмо не знал я, что ляхи в Зотовке. Елена, ежели налетят, так ты скройся. Бери подружайку свою и под возок. Опричь будут мои ратные. Управимся. Отец мой знает, отряд навстречу вышлет. Бояться не смей, квохтать, как кура, тоже не моги. Помни себя! – Влас уже шелом на голову надел и вытягивал меч из ножен.

– Лук дай полегче. Сыщешь? И колчан полный, – Еленка достала из рукава кольцо лучное и на палец натянула. – Не стану под возком сидеть и смерти дожидаться. Мне еще Лавра на ноги ставить.

– Я кому говорю?! Пню трухлявому... – договорить Влас не успел.

Послышался громкий свист дозорных, а вслед за тем визг стрел и многоногий конский топот. Влас кинулся к своим, краем глаза, примечая, что Елена бежит рядом, разумея, что не успеет отцовский отряд ко времени. И еще мысль проскочила, что Рыбий глаз непрост, иначе не напал бы так близко, да так скоро. Видать, понимал кое-чего.

– Елена, в свалку не лезь! Затопчут! Под возок! – крикнул Власий, а уж потом не до невесты стало.

Зотовские ломились напролом! Влас насчитал полтора десятка конных и мечных. А Сомовских-то осталось всего восемь: двое из десятка везли сейчас сундук Еленкин через лес и Жуковский овраг.

В своих ратных Власий был уверен, как ни в ком: уж сколь воевали бок о бок. Сам он мечом махать умел сызмальства и тем стяжал себе славу. Дядька Пётр хоть и в летах, но и он хорошая подмога: лучник наипервейший. Беда в том, что под перевернутым возком лежали сейчас две обузы – Еленка и посестра ее. Об них думать Власу тоже надо, а когда?

Зотовские металы стрелы часто, словно дождем поливали. Если бы не брони, то быть бы смертям быстрым и многим. Через малое время послышалась ругань чужестранная, а потом началась тяжкая сшибка.

Ипатий Мирон принял на себя двоих мечных, махался так, что искры летели. Влас пробегом подсобил, мазнул мечом по шее врага. Кони, привычные к бою, сгрудились у края поляны, а вот люди сейчас кровь проливали, бились за своё.

Ломая кусты, на Власа вышел здоровый ратный, замахнулся длинным мечом и едва не достал боярича. Если б не отпрыгнул парень, лишился бы головы. В бою и один малый миг важен. Сошлись мечи с лязгом, запели песнь кровавую. Влас на ворога смотрел, радовался, что лес сухой ныне и оскользнуться не боялся.

Рядом послышался крик: новик Сенька, схватился за плечо и на колени рухнул. Влас дернулся к парню, но Зотовский не пустил. Осталось только одно, переbodать его и на выручку к ученику своему неразумному.

Сдюжил Влас, отпихнул ногой бездыханное тело и к Сеньке, а тот ничего, упрямый, принялся по ногам мечом махать. Влас успел и новика выручить, и врага покрошить. Однако и сам не без урона: рукав под кольчугой кровушкой набух, а шелом с головы соскочил, когда от удара лопнул ремешок под ним. Кровь-то текла не шибко, а потому и можно было о том забыть на малое время.

Зотовские малость охолонули, приотступили. С насока взять не вышло, так сторожиться начали. Влас отыскал глазами дядьку Петра и кивнул, мол, стрелы мечи. Тот понял и лупить начал, прячась за стволом березы.

Меж тем, Зотовские перестроились и в колечко взяли. Влас своих расставил супротив, и снова началось! И теперь уж по-страшному. Среди врагов дураков не оказалось. Все матерые воины. Чужой говор уже не скрывали, а стало быть, надеялись всех посечь.

– Вадька, от возка не отходи. Увидишь, что за девками полезли, ори, как дурной, – шепнул своему ратнику Власий.

Тот кивнул и подвинулся, куда просили, ощерился волком и глаза сузил. Такого Вадима боялись все, даже Влас, когда выпивал лишнего и видел все, как в тумане.

А потом уж не до дум, знай, маши мечом, сколь сил хватит. Влас и махал, потом умывался. Слышал, как кричат его люди, как гибнут в муках, но рубил, рубил, рубил...

Выдохнул лишь тогда, когда последнего врага кровью залил. И не понять – своей или его. Покачнулся и рухнул на одно колено. А миг спустя, уже оглядывал поляну, что стала последним пристанищем для многих.

Увидел посеченного Ипатия, Сеньку своего со стрелой в глазу. Мертвых Леонтия и Сашку: дружки не разлей вода, только что на одной лавке не спали. Ванятку Рядова узнал по чудным сапогам – головы лишился. На краю поляны, где кустами все поросло, приметил Андрея Зернова: лежал мужик, лицом в землю уткнувшись.

– Влас...Власий... – хриплый голос откуда-то справа. – Елену...Елену забрали....

Влас подскочил и обернулся. Вадим лежал рядом с возком в крови и без правой руки. Опречь него сидела Ольга и смотрела вперед себя, будто спала наяву. Видать, обезумела совсем.

– Власька, – дядька Пётр вылез из подлеска, – Туда ее, туда! – и указал перстом грязным в сторону леса.

– Дядька, давай тут... – Влас уже бежал к коню. – Ольгу береги. Идите мимо Шалок к Любимово. Там отряд отцовский встречайте. Вернетесь потом...заберете наших... – И полетел через лес так скоро, как позволяла тропа.

Ехал, ругался, грозил Нестору вставить в одно место кол и провернуть посильнее. Рыбьему глазу сулил смерть страшную и долгую. Потом гнев слил, и зарок дал – извести Несторово семя вчистую. За все помстить.

Ехал долгонько, понял, что заплутал: лес, хоть и опричь Шалок, но нехоженный. Бурелому много, вода стоялая в ямках. Заполошился, задергался, а потом уж и услышал:

– Руки убери, козлице! Глаза выцарапаю, тварь пришлая!!

Еленкин голос узнал сразу и порадовался, что все еще орёт, а стало быть, урону невесте пока мало. Кинул коня верного напрямки меж берез толстых и выехал на поляну до того малую, что не развернуться.

Еленка стояла напротив дюжего парня и держала в руке то ли прут большой, то ли палку тощую. Махала грозно, а глазами сверкала и вовсе страшно. А парень орал ей в ответ:

– Поймаю, придушу! Гадюка! Вернись на конь! Живо!

Влас и сам ругал Еленку, но обидчику такого спустить не мог. Слетел с коня и ринулся вперед. Еленка, завидев его, рот открыла и выронила хвостину свою.

Ворог развернулся и мигом меч вытянул. Опасно блеснули его глаза, с того Влас и понял – просто не будет, легко не дастся. И не ошибся...

Попался ему редкого умения мечник: рука твердая, глаз вострый, разум проворный. Влас и без того уставший, еле махался, кровью из распоротого плеча исходил. Едва меч в руках держал и уж чуял, что смерть в затылок дышит. Так бы и вышло, если бы не Елена, дочь боярина Зотова и сварливая его невеста.

В миг, когда меч выпал из Власовой руки, враг замер, глаза распахнул во всю ширь, вроде как изумился и упал бездыханным в пожухлую осеннюю траву. Голова его, непокрытая шоломом, сочилась кровью и белесым чем-то.

Влас глаза-то поднял и увидел Еленку: стояла девка, бледная как смерть, и в руках держала камень едва ли не больше ее головы. И где только сыскала?

– А раньше-то не могла? – Влас тяжело осел на землю. – Чуть жениха не лишилась, дурья твоя башка.

Ворчал больше для того, чтобы боярышню ободрить. Видел, как лицо ее стало еще белее, а потом и сама она скорчилась, на колени пала. Там уж в траве ее и вывернуло.

Влас не удивился: крепкие парни тошнились после первого-то мертвяка. А тут девка. Пришлось ждать, пока Елена прокашляется, а потом плестись к коню и искать в суме баклажку с разведённой медовухой.

– На, попей нето, – Влас поднял с земли невесту свою бедовую и повел подальше от страшного места. – Пей, говорю, упрямица.

Она послушно взяла баклагу и отпила. Сморщилась, будто зелья горького испробовала, но промолчала. Влас уж собрался подначить ее, но в голове зашумело, перед глазами засияло, и разум помутился. Последнее, что увидал – синие глазищи Елены, распахнутые широко и тревожно.

Глава 6

– Ой, мамочки... – проскулила Еленка, когда Влас, бледный до синевы, рухнул в траву. – Влас... Власий... Да вставай ты, медведь! Чего разлегся?!

Кричала больше для того, чтоб самой не бояться: позади мертвяк валялся и не абы какой, а ею и угробленный. Небо предвечернее темнело, да споро так, быстро. А Влас, по всему видно, вставать-то и не собирался.

Кругом лес густой, бурелом. Деревя тихо поскрипывали, шуршали последними листьями, скрежетали корой страшно.

– Ой, мамочки... – наново принялась причитать боярышня. – Куда...куда идти-то...

Обсмотрелась, да и поняла – не знает. Пока вражина ее вез, она кусалась и брыкалась, а дороги-то и не заметила.

Еленка с размаху и уселась в траву. Хлопала ресницами, понимая, что пока в терему сидела, такого и помыслить не могла. Одна в лесу с мертвяком и раненым женихом. И ночь надвигается осенняя, холодная.

Посидела дурочкой еще сколько-то времени, а потом подхватила и к Власу кинулась. Склонилась над парнем и обрадовалась, что дышит. Пока выпутывала жениха из доспеха, из сил выбилась. Потом рванула рукав рубахи, а там кровь, да много. Перетянула, как сумела платком своим, уняла струйку алую.

Потом к коню Власову бежала, молитву творила в память об умершем отце, что научил ее мало-мальски животин не бояться, да и в лес с собой брал.

Припомнила, как батюшка наставлял:

– Ночь застала в лесу? Так ищи схрон, не сиди клушей, иначе замерзнешь, а наутро и не поднимешься.

Коня Еленка поймала, и тянула теперь за узду к тому месту, где Влас лежал. Сама по сторонам глазела, и ведь углядела! Вдалеке стояла ель немалая – ветви шатром – а под ней иголок видимо-невидимо. Вот туда Еленка и решила идти. Одна беда – Влас тяжелый. Как туда тащить жениха бездвижного, она пока не разумела.

Конский повод накинула на сук, а сама к Власу. Просунула руки ему подмышки, а поднять и не смогла. И так тянула, и так вертела, а ничего и не получилось, кроме употения и темноты в глазах.

– Да откуда такие берутся-то?! – крикнула в сердцах. – Небось, хлеба в себя караваями пихал, да целыми козлами закусывал!

Ругаться могла долго, да со вкусом, однако, разумела, что таким макарон делами не сделаешь, потому и порешила идти к коню.

– Сивушка, а сивушка... – подошла с правого боку, как наставлял в свое время тятенька. – Подь сюда, глянь-ка, хозяин твой лежит. Его во-о-о-он туда надо.

«Сивушка» только фыркнул, не боле того, и Еленка принялась ругаться:

– Ты что, скотина глупая, не разумеешь? – ведь понимала, что творит нелепое, с конем как с человеком говорит, но не остановилась. – Ты нагни шею-то, нагни. Да нагни, говорю, долгогривый!

И снова сивка не ответил, да и шеи нагибать не поспешил. Тут Еленка и вовсе потерялась.

– Сивушка, помоги, – зарылась пальцами в теплую гривку. – Не осилю ведь, а хозяин твой кончится. – И носом ткнулась в шершавый конячий бок.

А сивка возьми, да услышь! Перебрал копытами, к хозяину двинулся и мордой своей бархатной по его лицу провел. А уж после угнул шею высокую и на колени пал.

– Сивушка, красавушка, сейчас я, сейчас... – заторопилась боярышня.

Откуда только силы взялись! Подхватила парня подмышки, натужилась до темени в глазах и сдвинула. Перевалила тулово через седло и коня по спине легко стукнула. Тот встал и пошел.

– Господи, владыка небесный, спаси бо, – шептала Еленка, держа Власия за подпояску и шагая рядом с конем. – Не оставил, не кинул в беде.

До ели высокой добрались, а там уж Еленка и принялась хлопотать-бегать. Хвою сухую сгребла, а на нее мятель Власов уложила. Сунулась жениха с коня снимать, а сивка уперся и не пригнулся. Пришлось так тащить, а потом выбираться из-под Власа, а все потому, что на ногах не стоял и упал, как куль с мукой.

Но справилась, сдюжила. Власа уложила, а потом и поняла – без огня замерзнут оба. А еще и кровь затворить, и рану перевязать. Дел много, а время и сил мало. Да деваться некуда.

– Второй бы мятель.... Замерзнет ведь, – пожалела Еленка жениха.

А потом и вздрогнула. Ведь придется идти на ту страшную полянку, где мертвяк лежит. Там конь у него, а на коне сума. В ней может и найдется что нужное?

Решалась долгонько, но себя пересилила и пошла. На опушке-то глаза прикрыла, чтобы не видеть врага мертвого. До коня добралась – тот поводом за ветку зацепился – сняла суму, лук прихватила огромный, да туго набитый стрелами

колчан. Ведь знала, что не хватит сил тетиву натянуть на таком-то, но оружия не кинула, не иначе как от жадности.

Подобрала да взвалила на себя Власов доспех и меч тяжкий. Коня выпутала, а тот заржал страшно и убежал в чащу. Да и Еленка не задержалась: побежала так, как никогда не бегала. Страх-то он такой, бодрит и подталкивает.

– Тут я, тут, – шептала боярышня, глядя на Власа, гадая жив ли. – Сейчас...

Рылась в суме вражьей и радовалась, что забрала. Там и баклажка, и котелок малый, и хлеба кус, и травки сухие в мешочках, и мятель теплющий.

Костерок собрала живенько, кресалом искру высекла и подпалила. Огонек завился весело и боярышню приободрил. А вот воды-то и не было...

– Ладно...ничего... – уговаривала себя Еленка, а ноги уж сами несли от ели, чуть вдаль, но так, чтоб костерок не потерять.

И снова боженька подсобил: нашла ручеек малый и проворный. Воды насобираала и бегом обратно. Котелок долго над огнем вешала: все выскользывает, все падает. С того Елена озлилась и палки с такой силой в землю ткнула, что они наполовину ушли в твердь.

Вода забулькала быстро, а Еленка туда травок нужных кинула, припомнила науку тётки Натальи и засовестилась. Ведь как изводила несчастную, каким неслухом была...

– Тётка, прости, прости ты дуру, – шептала Еленка, роясь уж теперь во Власовой суме и вытаскивая рубаху чистую.

Порвала на тряпицы, намазала травяной кашицей и Власову руку обложила. Стянула крепенько и уж потом выдохнула: на ткани кровь не проступила, а стало быть, затворилась.

Тем временем темень пала. Теплый осенний день сменился холодной неприветливой ночью. В чаще заухало, заблажило неведомое, напугало боярышню. Но и тут Еленка не сдалась.

– Ужо я тебе! – погрозила кулаком во тьму боярышня. – Сгинь, нечистая!

Еленка сидела на теплых после дня иголках, подкидывала в костерок хворостины сухие. Слушала, как дышит Влас, боялась, что уйдет за грань. Не за себя, за Лавра тревожилась. Ведь Власий сулил его вытащить, а теперь-то как?

Но и надежда была у боярышни. Вражина Еленку умыкнул, а дорогой все выпрашивал, где Лавр. А стало быть нет уже его в доме Зотовском, с того и ее, Елену тасил, хотел выпытать.

Конь тихо фыркнул, тем Елену и вернул в явь из мыслей невеселых.

– Что? Чего шебуршишься? Пить хочешь? – пришлось встать и вести коня ощупкой по темному лесу к ручью. Там уж сивка напился вдосталь, а в благодарность вывел Еленку к ели: позволил вцепиться в свою гривку и руки не спихнул.

Конь унялся и теперь легко собирал губами пожухлую травку, а вот Еленка уразумела, что того куска хлеба, найденного в суме пришлого, будет маловато.

– Как натянуть-то тебя, упругий? – спросила у лука бездушного, да не потому, что прямо в ночи собиралась стрелы кидать, а, чтобы не слышать страшной тишины темного леса и своих мыслей. Лук-то и не ответил. Конь тоже молчал, как и Влас, к которому и двинулась по-тихому Елена.

Парень так и лежал, как положили: глаза прикрыты, лицо приподнято к елкиному шатру. Сам бледный до синевы, и даже огонь малого костра не красил его щек.

Еленка пощупала лоб и вздохнула счастливо: огневицы не было. А уж потом сторожко приподняла край теплого мятеля и улеглась рядом с женихом.

– Что уставился? – молвила сивке, который повернул большую морду к Елене. – Холодно. Иначе ни в жизнь не полезла бы к этому медведине. – С тем и улеглась с Власом, положила руку на его плечо и глаза прикрыла.

Сон не шел, темнота ночная пыталась хмарью и виденьями. Еленка дрожала, тихо крестилась под мятелем и снова дрожала. Все виделась ей Сомовские ратники – порезанные, окровавленные – что остались лежать на поляне опричь Шалок, испуганные глаза посестры Ольги и тот, кого она ушедшим днем жизни лишила.

– Господь милосердный, господь всемогущий, спаси и сохрани мя, – шептала боярышня, прижимаясь к теплему и недвижному Власу. – Не казни, отпусти мне грех тяжкий. Ведь не себя обороняла. Прими душу раба божия, мною убиенного.

Так шептала долгонько, пока веки не смежились, и не явился долгожданный сон. Но и он терзал Елену, не давал забыться: все просыпалась боярышня, вглядывалась в ночную темень.

А вот утро встретило Еленку солнышком да теплом, но и забот подкинуло: Власову руку перевязать, коня напоить, костер наново запалить и найти пропитания.

Украденный лук руку отсушил немедля: тяжелый, тугой, неудобный. Но девушка упрячилась и победила неслуха деревянного. Тьму раз вскидывала, да стрела не летела дальше пяти локтей. Но приноровилась, силы почитай все слила на мужицкое оружие и докинула стрелку до дерева.

Только к вечеру свезло: подстрелила птицу. Взясась ощипывать, да по неумению обчихалась вся от пуха и пера. Голову птице рубить и навовсе гребовала*, но голод туго поджимал живот, а рот наполнял слюной вязкой.

Так и провозилась, промытарилась, однако дело сделала. Котелок исходил пахучим парком, а на жиже мясной уж плавал густой птичий жирок. Вот той похлебкой и принялась кормить жениха.

– Тихо, тихо. Во-о-от, молодец, Власий Захарович, – радовалась Еленка, когда удавалось ей влить ему в рот ложку целиком. – Я подую, подую. Ты глотай, медведь, глотай.

И дула на ложку, и лила густое варево. Но и Власа испачкала дальше некуда. Из рубахи парня выпутала и обомлела: такой-то парнячей крепости и не видала, ведь девушка, не баба. Румяниться не стала, но от любопытства губёнку прикусила, а потом и вовсе провела пальцами по крепкой груди Власа.

– Как есть медведь. Ой...а это что? – углядела востроглазая поверх веревочки с крестом суровую нитицу, да поняла – есть что-то на спине у Власия.

Не поленилась, просунула руку под парня и вытянула оберег древний.

– Вон оно ка-а-а-к. Да какому же ты богу молишься, боярич? Спереди крест святой, а сзади Ладинец*. Никак, вероотступник?

Влас застонал в тяжком болезном сне, но не очнулся, всего лишь перевернулся на бок.

– Ой! – Еленка отскочила, боялась, что жених глаза откроет и узрит любопытство ее и бесстыдство. – Похлебка впрок пошла? Вот и спи теперь. Завтра не поднимешься, буду сама из леса дорогу искать. Но ты лучше проснись, Влас... Не осилю, заблужусь...

А потом и другие заботы навалились: мясо спрятать в холодной ямке, Власову рубаху от крови отстирать, коня напоить, себя накормить.

По неумению хлопотала долго. Котелок закопать дело нехитрое, сивку напоить – тоже. А вот с рубахой случилась заминка: терла кровавое пятно так, что пальцы онемели, а толку чуть. Подумавши, решила попросту рукав оторвать, тем паче, что располосован вражьим мечом. Так и сделала.

Устала, выбилась из сил и под бок жениховский закатилась спать, едва солнце село.

Проснулась Еленка от того, что щеки пощипывало от холодка. Влас-то теплый, уютный, возле него хорошо, да и мятель греет, а вот мордашка захолодала. Вскочила боярышня, сунулась к жениху и заулыбалась: спал парень, не блуждал уже по темноте бездумной. Повернулся на бок и сопел себе, словно в избяном тепле лежал, а не под елью.

– Оздоровел никак? – Еленка на радостях взвизгнула. – Ничего, встанешь, как миленький. Лаврушу вытащим, Оленьку найдем. Бог даст, жива. Сейчас поесть дам. Есть-то хочешь, медведь?

Влас вздохнул во сне да губами так причмокнул, что Еленка едва в голос не захохотала.

- Вона как. Болезный, а все об еде.

Вскочила и заметалась, но вскорости остановила себя и начала дела насущные: до кустиков сбегать, а потом к ручью.

У воды студено: осень, хоть и теплая, ясная, а все ж дышала близким морозцем. Иней кое-где выступил, туман белесый под деревьями прятался.

- Не инако скоро снега падут, - молвила ручью, - зима недалече.

А потом уж на себя глянула в воду прозрачную и едва не испугалась: сама-то нечесаная, чумазая, коса разметалась, зипунок теплый испачкан, а летник по подолу в грязи.

- Распустеха! - обругала себя боярышня и принялась личико румяное мыть да одежды чистить.

Уж у ели надумала косу плести, а гребешка-то и нет. Пойди, расчеши густую копну, раздери перстами спутанные космы. Пришлось снова во Власову суму лезть. Там-то гребень и сыскался, да не абы какой, а богатый. Сам частый, крепкий костяной, а по краю самоцветы блескучие.

- А жених-то себя дюже любит. Даже волоса свои медведячьи чешет красотой такой, - ехидничала Елена, но косу чесала-плела.

Себя обиходила и присела к кострищу: греть варево, крошить в него хлебца. И такой дух по полянке пошел, что словами не передать! Еленка едва слюной не изошла, пока кашеварила.

Глава 7

Влас глаза приоткрыл и уперся взглядом в шатер из еловых ветвей. Лежать-то тепло, удобно, токмо непонятно где и что? Тишина вокруг, да такая уютная, покойная. Костерком тянет и горячим варевом. Никак батькин отряд их сыскал?

Боярич оглядел себя, уразумел, что лежит под чужим мятелем. Опричь лежанки доспех его сложен и меч. Рубаха на Влаसे чистая, но без одного рукава. А на плече повязка тугая и без кровей. Рука болит, да не дерет, не изводит огнем, а тихо ноет.

Башкой мотнул и огляделся. Приметил костерок, а рядом с ним Еленку: сидит, словно в хоробах. Коса тугая по спине змеится, мордашка румяная, очелье ладно по лбу лежит. Зипунок свежий и летник опрятный. Сама ложкой в котелке помешивает, улыбается. А дух такой, что пузо сводит.

- Елена... - прохрипел Власий. - Елена.

Она вскинулась, обернулась к нему и так улыбнулась, что Влас и сам в ответ губы растянул, словно пёс ощерился. Иначе не смог - в глотке пересохло.

- Влас! - подскочила, да как была с ложкой в руке, так и кинулась к нему. - Очнулся?

- Очнулся, вроде. Позови десятника. Кто приехал? Глеб Ржанов?

Она брови подняла изумленно да и положила на лоб ему ладошку прохладную.

- Огневица что ль? Да нет, не горишь. Власий, откуда тут десятнику взяться? - и глазищами высверкнула. - Ты не пугай.

- Воды дай... - прохрипел, - сухой, как лист.

Она метнулась и поднесла испить. В баклажке вода свежая, холодная. Влас долгонько булькал, а уж потом утер рот и принялся выпрашивать:

- Где мы? Сколь я тут валяюсь? Откуда мятель чужой? В Шалках взяла? Где наши? Чего уставилась, говори нето!

- Лучше б спал! - осерчала, брови соболиные свела к переносью. - Бегай тут, скачи вокруг него козой бешеной, а в ответ токмо крик. Где, где... В лесу, чай не ослеп, сам видишь. Два дня мы тут. Мятель того...ну, который там лежит. В

Шалки, говоришь? Да где они те Шалки?! Знала бы, куда идти, так и пошла бы! Орёт он! Не знаю, где наши! Чего прилип?!

– Не кричи, – Влас с натугой поднялся, сел и посмотрел на боярышню, что кипела сей миг не хуже, чем пахучее варево в котелке. – Елена, ты толком скажи, что было-то?

– Чего было? Ты кровью изошел и упал, вот, что было. А потом день и две ночи бока тут отлеживал, – Еленка говорила обидное, но голосом понежнела. – Ты как, Влас? Болит? Голова-то ясная али как? – притронулась к плечу, то ли лаская, то ли оберегая.

Влас и замолк. Вот только что шипела злой кошкой, а на тебе, заботится, тревожится о нем.

– Да не молчи ты. Хоть слово кинь. – Глаза синие теплом согрели и еще чем-то непонятным.

– Постой... Ты сама тут всё? Как дотащила-то? Как справилась? – голос его дрогнул, и не понять с чего. То ли от изумления смелой девкой, то ли от иной напасти.

– Как смогла, Влас, так и сделала, – она замолкла, только плечами повела, будто ознобом взялась. – Тебе поесть надо, иначе сил не будет. Я сейчас.

Пошла к котелку, прихватила ловко и принесла наваристой похлебки.

– Сам-то ложку удержишь? – сует ему в рот жижу пахучую. – Я хлебца покрошила. Сытнее.

Влас закашлялся, да не потому, что в горле перхало, а от изумления.

– Ты сама чай голодная. Другая-то ложка есть? Садись, похлебаем.

Она и спорить не стала, вмиг вытащила из рукава черпачок деревянный и полезла в котелок.

Ели со вкусом, вот только уж слишком горячо вышло, просто так в рот не лезло. Дули со всех щек, брызгали огненным варевом во все стороны и не перестали махать ложками, пока не показалось дно котелка.

Влас после еды обмяк, привалился на мятель, вздохнул легко.

– Спаси ты, Елена Ефимовна. Справно кашеваришь, едва котелок не стер, – Влас любовался боярышней, что сидела опричь него, прикрыв глаза довольно.

Нос у ней ровный, тонкий стал, не такой, как увиделся впервой. Да и синяки под глазами сошли. Губы цвели ярким цветом, лениво так изгибались в улыбке. И брови не отставали – гнулись коромыслицами, красили лик боярышни едва ли не сильнее, чем плотное шитое очелье.

– На здоровье, Власий Захарович, – кивнула, глаз не открывая. – Ты продохни, а я к ручью сбегая. Воды набрать, котел почистить. Надо бы еще дичи поймать, еды-то нет.

И встала легко, будто с лавки поднялась, прихватила котел за дужку да и пошла: плавно, гибко. Влас глядел ей вслед, разумея, что в голове его легкое помутнение случилось. Видел он не просто сварливую боярскую дочь Еленку, а иное создание. Солнце ярко светило сквозь золотую листву, окатывало сиянием девку, с того она сама словно блестела, искрилась.

– Стой, Елена, – не стерпел Влас. – С тобой пойду.

Она развернулась к нему и принялась браниться:

– Куда? Лежи! Рана-то откроется, чего тогда делать?! Сам не разумеешь, да? Совсем дурной?

Влас и подкинулся!

– Так-то посмотреть, дурной тут не я! Елена, не доводи до греха! Догоню и язык тебе уполовиню! Что ты все орешь, как кошка бесноватая?

- Гляньте на него! Едва от смерти ушел, а уже грозитя! Напугал, как заяц волка! Язык тебе мой не по нраву? Так уши заткни! - уперла руки в бока и ногой топала. - Ляг, не вставай, дурной. Ить рана откроется, кровью изойдешь.

- Елена, - надавил голосом, - упряждаю, станешь препираться, высеку!

Она уже и не слушала, бросила котелок и баклажку, к нему бежала.

- Погоди, непутевый. Надо прижать, - и уже лезла в суму, доставала тряпицу длинную. - Вот, сейчас...сейчас.

Примотала через шею и руку его руку его туда вложила. Схватила его поддоспешник и на плечи кинула, а потом за сапогами потянулась, принялась натягивать на ноги.

- Копытца*-то у тебя справные. Мастерица вязала, не иначе. Такие Олюшка умеет... - и замолкла.

Влас и разумел, что тревожится о посестре, себя и обругал, что молчал о таком-то.

- Жива она, не трепыхайся. Осталась опричь Шалок с дядькой моим. Он вывезет, не сомневайся.

Она с колен поднялась, глазами просияла.

- Спаси ты, Влас. Жива, значит... Не оставил господь, не покинул.

Боярич приметил блестящие слезы в глазах, но не дал пролиться, не посмел печалить храбрую девку.

- Чего встала? Веди нето, балаболка, - и угадал!

Еленка слезы сглотнула, вскинулась и наново принялась ругаться:

– Это еще кто балабол! – подхватила его, обняла за тулово. – Пойдем, сведу умыться. Ходишь лешак лешаком.

– Отлезь. Сам я, – стыдно было на девке виснуть.

– Упадешь, меня не виновать, – отцепилась, но шла рядом.

Так и пошли. Влас поначалу спотыкался, а потом ровнее встал. Все вокруг смотрел, радовался теплему солнцу и сини небесной, что дарили отраду.

У ручья Влас умылся, напился прохладной воды и присел на поваленное дерево. Глядел, как боярская дочь котелок песком натирает: неумело, но старательно. Персты в ледяной воде морозит, спину гнет, как чернавка. Сей миг и осознал, что нелегко пришлось теремной в лесу.

– Елена, тяжело было? Боялась? – само с языка соскочило.

Она замерла на малый миг, но ответила:

– А тебе как в бою возле Шалок? Тяжко было али как? Боялся? – молвила и взглядом обожгла.

Взвилось во Власе гневливое, но не вылилось в слова обидные.

– Тяжко, не тяжело, а сдюжили. Цена велика оказалась. В жизнь не расплатишься. Всех посекали, – кулаки сжал до хруста, припомнив ратных своих порубленных и брошенных на сырой земле в лесу.

Елена промолчала, отвернулась, но через малое время очнулась, взяла чистый котелок и пошла к Власию. Присела рядом на поваленное дерево и заговорила:

– Знала бы раньше, что так оно бывает, отца бы лелеяла, как икону пресвятую. Влас, я и ведать не ведала, как неподъемно бремя ратное. Сколь душ загублено, сколь крови пролито. По глупости, по неведенью думала, что моя доля тяжела. Маяться в тереме, света белого не видеть, ждать участи своей и жить с мужем навязанным, постылым. А что за меня мужи храбрые ратятся, жизнь свою отдают, не разумела. Ты вот едва жизни не лишился... Видала я, как ты ворога-

то сёк...

Влас забыл, как дышать. Голос ее тряский пробрал боярича до самых глубин, взгляд печальный по сердцу мазнул словно ножом острым. А она пытки той не прекратила, добавила тоски-печали:

– Ведь из-за меня все, Влас. Я виноватая и казна моя, будь она трижды проклята! – замерзшие персты в кулаки сжала. – Как теперь грех такой замаливать?

Не ответить нельзя, а и говорить-то не хотелось...

– Не твоя, Елена. Моя вина. – И едва не ослеп от взгляда ее яркого. – Не доглядел я, не додумал. Не знал, что под боком такая сила вражья схоронилась. А знать должен был. Возгордился род наш, в а с того и стал в небо глядеть, а не по сторонам. Привыкли, что Зотовы с заката прикрывают, а раздумать о том, что с ляхами задружатся, не смогли. Это мой грех, а стало быть, мне и ответ держать.

– Влас, дурное говоришь, – Елена кулаком озябшим по коленке своей стукнула. – Как тебе знать, коли мы и сами не ведали? И что ж теперь, а, Власий?

Он голову опустил, глядел под ноги. Тишина разливалась по лесу, только ручей шептал тихонько, скакал через камни, бежал к реке полноводной.

– Нестора достану, – сжал зубы, набычился. – И болячку ляшскую с наших земель сковырну. Лавру вернем боярский стол. Зотово наново оплотом станет. А как меня за глупость наказывать, то богу решать. Все приму. И хватит о том, Елена.

Она смолчала, тем и удивила Власия. Ведь привык, что во всем супротив, что к любому его слову цепляется. А оно вон как: понимает, размысливает не хуже иного мужика, видит, где настоящее, а где пустой звон.

– Не инако чудо случилось, и у Елены Ефимовны язык отсох. Чего молишь-то? Ай, слова закончились? – почуял, что плакать вздумала, да и решил повеселить девушку.

– Для тебя найдется, как не найтись. Раззвонился тут на весь лес! Вставай нето! Тряпицу на плече сменить надо! Или тебя снова волоком тащить, медведина неподъемная?! – гневалась, персты сжимала.

– А зачем тащила-то, Елена? – боярич нарочито важно бровь вскинул. – Оставила бы там лежать, а сама в скит. Что? Ты туда ведь рвалась, ай не так? А тут такой случай. Жених кончился, теперь сама себе голова и хозяйка. Ужель полюбился я тебе, боярышня? Да так крепко, что бросить не смогла?

Пыжился, но ответа ждал не без интереса.

– А по дурости! – взъярилась Елена, вскочила с дерева и ногой топнула. – Знала бы, что ты ехидна такая, ни в жизнь не потащила бы! Сама бы землей закидала и креста на могилку не воткнула!

Влас не удержал на лице надменности, засмеялся в голос, да так звонко, что из кустов птичья стая прыснула, крылами и клекотом тишину растревожила.

– Ах ты! – схватилась за котелок и замахнулась. – Сидит тут, грохочет! Вот стукну промеж глаз!

Влас рукой махнул, мол, уймись, а потом рукавом рубахи глаза утирал: от смеха слезы выступили.

– Елена, вот не ведаю в какой скит тебе дорога. Для таких сварливиц не выдумали еще пристанища. Ой, уморила.

А потом смотрел, как она дышала часто, как грудь ее под теплым зипуном вздымалась высоко. Все думал, что кинется на него с кулаками, а она ничего, продышалась и отвернулась. Но косу за спину перекинула с такой злобой, да так гордо пошла к ели, что Влас смолчал. Брел, спотыкаясь, за невестой своей бо ярой, и разумел, что если б не была девка такой упёртой и смелой, он бы сейчас на лес не любовался, а лежал на поляне лесной порубленный и мертвый.

Доковылял до лежанки своей, уселся и привалился к еловому стволу устало. Дух перевел и стал смотреть, как колдует боярская дочка над котелком: воду льет, травы кидает. Приметил, что губы у нее яркие, и когда занята делом,

прикусывает нижнюю белыми зубами, а брови красивые сводит к тонкому переносью и становится краше.

– Елена, выдвигаться нам надо. Если за два дня нас не нашли, значит, заминка вышла, – более ничего не сказал, чтобы не тревожить боярышню.

Догадывался Влас о том, что случилось скверное. Иначе отцовский отряд уже давно осел в Шалках и искал их обоих.

– А то как же. Надо. Вот токмо крылья отрастим и двинемся, – язвила, надсмехалась.

Влас щекой дернул, кулак сжал.

– Не шутики шуточку. Собирай скарб, может и пригодится, – уперся здоровой рукой в землю и на ноги встал.

Покачался, немощный, минуточку малую, поднял доспех, меч и пошел к коню. Уцепил рукой поводья, проверил узду, седло подергал, устроил добро в сумках переметных. А уж потом и понял, что Елена у него за спиной стоит.

– Влас, не пойму я, ты полоумный али как? Куда собрался? Едва от смерти сбежал, а уж обратно захотел? Рана только-только закрылась. Ведь помрешь, – увещевала спокойно.

– А ты на что? – молвил и довольно смотрел, как изумленно захлопала ресницами Еленка. – Сядешь позади меня и держать станешь. И смотри, жениха по дороге-то не оброни.

– Не поеду, – головой замотала, – бей, калечь, а не поеду.

– Надо, Елена, – шутики прекратил и глядел сурово. – А если ищут нас не токмо сомовские, а и зотовские? Считаю, свезло нам, что не нашли. Взяли бы теплыми. Тебя за косу к Нестору, а меня на тот свет за грехи отвечать. Про Лавра надо вызнать, что и как. Уразумела? Так чего стоишь истуканом?

– Про Лавра я и так отвечу! – уперла руки в бока. – Убёг. Иначе не тащил бы меня тот...ну тот... Все выспрашивал, где брат. Мыслю, что не нашли его.

Влас аж подкинулся!

– А чего молчала?! Вот все девки одинаковые! Стрекогут обо всем, окормя главного! Свиристелка!

– Вон как? Свиристелка?! Я смотрю ты прям птица важная! Вся из себя умная! Давай, скачи нето! А коли по дороге помрешь, так и туда тебе дорога! Одним дурнем меньше!

– Елена, я тебя упреждал, чтобы не перечила? Упреждал! Теперь не обессудь! – и двинулся к ней.

Она отскочила и глаза распахнула, словно не веря, что обидеть может. Да Влас и не хотел, но уж очень злила непокорная девка. Пока шагал к боярышне, осознал, что не за себя она тревожится, не о себе печется, а о нем. На том и споткнулся, остановился и задумался.

– Сдюжим, Елена. Ты подмогой станешь. Нельзя тут оставаться, пойми ты.

Она злобу погасила, кивнула и пошла к кострищу. Хлопотала не бездумно: травяную кашу завернула в чистую холстинку, свернула мятели, в переметную суму сложила ложки и котелок. Прихватила большой лук, колчан тугой на плечо вскинула и огляделась – не забыла ли чего.

– Сюда иди, воительница, – Влас с натугой взобрался в седло, протянул здоровую руку невесте. – Лук пристрой на суму, иначе спину раскровянит с непривычки.

Елена ухватила за его руку и легко вскочила позади. Обняла поперек тулова и прижалась грудью к его спине. Боярич кулаки сжал, чуя тепло девичьего тела, однако сдержался, слов никаких говорить не стал. Тронул коленями бока верного коня и повел меж деревьев.

Конец ознакомительного фрагментаО

Купити: https://tn.knigapoisk.com/shubnikova_larisa/ladinec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)